

Милтон Фридмен

Взаимосвязь между экономической и политической свободами

Широко распространено мнение, что политика и экономика – это вещи разные и между собой почти не связанные, что личная свобода – это вопрос политический, а материальное благополучие – экономический, и что любой политический строй можно совместить с любым экономическим. Главными современными выразителями этого представления являются многочисленные проповедники «демократического социализма», безусловно осуждающие ограничения на личную свободу, навязываемые «тоталитарным социализмом» в России, и убежденные, что страна может взять на вооружение основные черты тамошнего экономического строя и тем не менее обеспечить личные свободы посредством политического устройства. Основной тезис данной главы заключается в том, что такое мнение есть заблуждение, что между экономикой и политикой существует тесная взаимосвязь, что возможны лишь определенные комбинации политического и экономического устройства общества и что, в частности, социалистическое общество не может также быть демократическим (в том смысле, что оно не сможет гарантировать личных свобод).

Экономическое устройство способствует развитию свободного общества в двоякой роли. С одной стороны, свобода экономических отношений сама по себе есть со-

ставная часть свободы в широком смысле, поэтому экономическая свобода есть самоцель. С другой, экономическая свобода – это также необходимое средство достижения свободы политической.

Первую из этих двух ролей экономической свободы следует подчеркнуть особо, ибо у интеллектуалов имеется сильное предубеждение против того, чтобы придавать этому аспекту свободы большое значение. Они склонны презрительно относиться к тому, что они считают материальной стороной жизни, и рассматривают свое собственное стремление к якобы более высоким ценностям как куда более значительное и заслуживающее особого внимания обстоятельство. Однако для большинства граждан государства, хоть и не для интеллектуалов, непосредственная важность экономической свободы по меньшей мере сравнима по значимости с косвенной важностью экономической свободы как средства к достижению свободы политической.

Английский гражданин, которому после Второй мировой войны не позволяли провести отпуск в США из-за валютных ограничений, был лишен одного из коренных видов свободы не меньше, чем американский гражданин, которому не давали съездить в отпуск в Россию из-за его политических взглядов. В первом случае речь шла об экономическом ограничении свободы, а во втором – об ограничении политическом, однако существенной разницы между ними нет.

Гражданин США, которого закон обязывает уделить, скажем, 10% своего дохода на покупку определенного пенсионного контракта, находящегося под административным контролем правительства, тем самым лишается соответствующей части своей личной свободы. Насколько чувствительно можно отнести к такому лишению и насколько близко оно к лишению религиозной свободы, которую все сочтут свободой «гражданской» или «политической», а не «экономической», драматически выразилось в одном эпизоде, затрагивавшем группу фермеров из

секты амишей¹. Исходя из своих принципов, эта секта рассматривала обязательные федеральные пенсионные программы как нарушение своей личной индивидуальной свободы и отказывалась платить налоги и принимать выплаты по соцобеспечению. В результате часть принадлежавшего ей скота была продана с аукциона для покрытия причитавшихся с фермеров взносов на соцобеспечение. Верно, что число граждан, рассматривающих обязательное пенсионное обеспечение как ущемление свободы, скорее всего невелико, но ревнители свободы никогда не гнались за численностью «поголовья».

Гражданин США, который по существующим в разных штатах законам не волен трудиться на избранном им поприще, если он не заручился на то патентом или лицензией, точно так же лишается существенной доли своей свободы. То же самое относится к человеку, который желает выменять какие-то свои товары, скажем, на часы у швейцарца, но не может этого сделать из-за импортной квоты. То же самое относится к калифорнийцу, угодившему в тюрьму в соответствии с так называемыми «законами о справедливой торговле» (*fair trade law*) за то, что он продавал противопохмельное средство «Алкозельцер» по цене ниже той, которую установил производитель. То же самое относится и к фермеру, который не может выращивать столько пшеницы, сколько захочет. И так далее. Совершенно очевидно, что экономическая свобода сама по себе есть наиважнейшая часть общей свободы.

Если смотреть на него как на средство достижения политической свободы, экономическое устройство весьма важно из-за своего влияния на концентрацию и рассредоточение власти. Экономическая организация, которая предоставляет экономическую свободу непосредственно (именно основанный на свободной конкуренции капита-

¹ Амиши относятся к протестантской секте меннонитов, отличающихся нравственным ригоризмом, отвергающих клятву, тяжбы, войну и разлучение супругов и проповедующих непротивление злу насилием. По вероучению близки к баптистам. (*Прим. ред.*)

лизм), способствует также и умножению политической свободы, ибо она отделяет экономическую власть от политической и таким образом позволяет одной служить противовесом другой.

Исторический опыт говорит о соотношении между политической свободой и свободным рынком совершенно однозначно. Мне неизвестно ни одно существовавшее когда-либо и где-либо общество, которое отличалось бы большой степенью политической свободы и в то же время не пользовалось бы для организации значительной части экономической деятельности неким подобием свободного рынка.

Поскольку мы живем в обществе, которое в большой степени свободно, мы склонны забывать, насколько короток был промежуток времени и мала та часть земного шара, в которых когда-либо существовало какое-то подобие политической свободы: типическим состоянием человечества являются тирания, подъяремность и приниженность. Западный мир в девятнадцатом и начале двадцатого века есть разительное исключение из общей тенденции исторического развития. В данном случае политическая свобода явно пришла вместе со свободным рынком и с развитием капиталистических учреждений. Оттуда же явилась политическая свобода греческого золотого века и начальных дней римской эры.

История подсказывает лишь одно: капитализм есть необходимое условие политической свободы. Ясно, что это условие недостаточное. Фашистскую Италию и Испанию, Германию нескольких периодов за последние 70 лет, Японию перед Первой и Второй мировыми войнами и царскую Россию предшествовавших Первой мировой войне десятилетий нельзя даже с натяжкой охарактеризовать как политически свободные страны. А ведь в каждой из них частное предпринимательство было господствующей формой экономической организации. Поэтому очевидно, что можно иметь капиталистическое по сути своей экономическое устройство и в то же время несвободное устройство политическое.

Но даже в тех странах граждане обладали куда большей свободой, чем граждане современного тоталитарного госу-

дарства вроде России и нацистской Германии, в которых экономический тоталитаризм сочетается с политическим. Даже в России при царе некоторые граждане могли в определенных обстоятельствах поменять место работы без разрешения политической власти, потому что капитализм и наличие частной собственности служили известным противовесом централизованной власти государства².

² Данное утверждение автора нуждается в разъяснении. В пореформенной России, т.е. в течение всего последнего (полувекового!) периода существования монархии, «некоторые граждане» не имели права сменить место работы без разрешения «политических властей» только в том случае, если речь шла о некоторых определенных профессиях и занятиях. Прежде всего речь шла о приговоренных «к каторге, ссылке, а также к соединенному с лишением прав состоянию заключению в тюрьме», которые, в частности, по закону лишались права «...состоять на государственной, сословной земской, городской или общественной службе», получать разрешения на ведение торговых предприятий первых двух разрядов, а промышленных – первых пяти разрядов, а также быть «начальствующим, воспитателем или учителем в общественном или частном (курсив наш – А. Б.) учебном заведении, а также пользоваться правами домашнего учителя», причем сроки этого лишения в правах также устанавливались законом (см. Новое Уголовное уложение от 1903 г., ст. 25, 27, 30, 33). Кроме того, существовала система аналогичных «запретов на профессии» для лиц, поставленных под гласный надзор полиции (более широкая, ибо основывающаяся в значительной степени на дискреционной власти полиции), введенная в 1882 г. Наконец, полиция обладала полномочиями выдавать справки о благонадежности, необходимые для поступления в университет или на «ответственную» должность. Таким образом, поступление на работу к частным предпринимателям практически никак не контролировалось. Даже такой историк, как Ричард Пайпс, усердно выискивающий корни советского тоталитаризма в характерных особенностях российской монархической системы, вынужден признать, что в России «наличие частного капитала и частных предприятий сводило на нет многие полицейские меры, направленные на то, чтобы лишить неблагонадежные элементы средств к существованию. Неблагонадежное лицо почти всегда могло устроиться в какой-нибудь частной фирме, администрация которой либо не симпатизировала правительству, либо была политически нейтральной. (...) Благодаря частной собственности по всей территории империи создались уголки, куда полиция была бессильна ступить, поскольку законы, бесцеремонно попиравшие права личности, строго охраняли право собственности». (*Pipes R., Russia Under the Old Regime, 1974; русский перевод: Пайпс Р., Россия при старом режиме. Кембридж, Масс., 1980, С. 421–422. (Прим. ред.)*)

Взаимоотношения между политической и экономической свободами сложны и никоим образом не односторонни. В начале девятнадцатого века Бентам и философские радикалы были склонны рассматривать политическую свободу как средство достижения свободы экономической. По их мнению, массам мешают налагаемые на них ограничения, и если политические реформы предоставляют большинству населения избирательное право, оно сделает как ему лучше, а именно – проголосует за свободную конкуренцию. Задним числом нельзя сказать, что они были не правы. Осуществились немалые политические реформы, и за ними последовали реформы экономические, направленные в сторону большей свободы конкуренции. Результатом таких изменений в экономическом устройстве общества явилось громадное повышение благосостояния масс.

За торжеством бентамовского либерализма в Англии девятнадцатого века последовала реакция в виде усиления правительственного вмешательства в экономическую сферу. И в Англии, и в других странах эта тенденция к коллективизму была резко ускорена двумя мировыми войнами. Господствующей заботой в демократических странах сделалось благосостояние, а не свобода. Распознав таящуюся в этом угрозу индивидуализму, интеллектуальные наследники философских радикалов – Дайси, Мизес, Хайек и Саймоне в числе многих других – опасались, что продолжение движения к централизованному контролю над экономической деятельностью окажется «Дорогой к рабству», как назвал Хайек свой проницательный анализ этого процесса. Они подчеркивали экономическую свободу как средство достижения свободы политической.

События послевоенного периода демонстрируют и другое соотношение экономической и политической свобод. Коллективистское экономическое планирование и в самом деле ущемило индивидуальную свободу. Однако по меньшей мере в части стран результатом этого было не подавление свободы, а обратный поворот экономической политики. Наиболее ра-

зительный пример снова дает Англия. Поворотным пунктом явился, по-видимому, правительственный декрет «о контроле над занятиями», который, невзирая на дурные предчувствия, лейбористская партия сочла необходимым принять с целью осуществления своей экономической политики. Если бы его прилежно исполняли, закон этот привел бы к централизованному распределению людей по занятиям. Это настолько шло вразрез с личной свободой, что новый закон соблюдали в ничтожном меньшинстве случаев, и продержался он совсем недолго. Отмена его потянула за собой решительный поворот экономической политики, отмеченный меньшим упором на централизованные «планы» и «программы», снятием многих ограничений и большей опорой на частный рынок. Подобные политические сдвиги произошли в большинстве демократических стран.

Эти политические сдвиги объясняются в общих чертах тем, что централизованное планирование имело ограниченный успех, а то и вовсе не сумело достичь искомых целей. Однако эту его неудачу можно – по крайней мере в какой-то степени – саму отнести на счет политических результатов централизованного планирования и нежелания довести его до логического завершения, когда это вызывает необходимость переступить через столь ценимые гражданами права личности. Вполне возможно, что этот сдвиг есть лишь временный перерыв в действии коллективистской тенденции нашего столетия. Даже если это так, он иллюстрирует тесную зависимость между политической свободой и экономическим устройством.

Исторический опыт сам по себе никогда не бывает убедителен. Возможно, лишь по чистому совпадению расширение свободы произошло одновременно с развитием капитала и рыночных институтов. Почему же между ними непременно должна быть взаимосвязь? Каковы логические связи между экономической и политической свободами? Рассматривая эти вопросы, мы обсудим сперва рынок как прямой компонент свободы, а затем – косвенную зависимость между рыночными отношениями и политической

свободой. Побочным продуктом рассмотрения явится попытка обрисовать идеальное экономическое устройство свободного общества.

Будучи либералами, мы исходим при оценке социальных институтов из свободы индивида или, быть может, семьи как из своей конечной цели. Взятая в таком смысле свобода есть ценность лишь в отношениях между людьми: для Робинзона Крузо, сидящего на пустынном острове без Пятницы, она лишена всякого содержания. На своем острове Робинзон Крузо испытывает «ущемления», «власть» его ограничена, как ограничен круг имеющихся у него альтернатив, однако в том смысле, в котором она берется в нашем рассмотрении, проблема свободы перед ним не стоит. Точно так же в применении к обществу принцип свободы ничего не говорит о том, как именно индивид должен пользоваться предоставленной ему свободой: это не всеобъемлющая этика. Более того, одна из главнейших целей либерала состоит в том, чтобы оставить этическую проблему индивиду: пусть он сам поломает над ней голову. «По-настоящему» важные этические проблемы – это те, что стоят перед индивидом в свободном обществе: что делать ему со своей свободой? Таким образом, либерал подчеркивает два круга ценностей: ценности, касающиеся отношений между людьми, и в этом контексте он выдвигает на первое место свободу; и ценности, которыми руководствуется индивид при пользовании своей свободой, что представляет собой область индивидуальной этики и философии.

Либерал считает, что люди несовершенны. Для него проблема социальной организации есть настолько же негативная проблема удержания «плохих» людей от причинения зла, насколько проблема помощи «хорошим» людям в совершении добра; разумеется, «плохими» и «хорошими» могут быть одни и те же люди: все зависит от того, кто о них судит.

Коренная проблема социальной организации заключается в том, как скоординировать экономическую деятель-

ность большого числа людей. Даже в относительно отсталых обществах для адекватного использования наличных ресурсов необходимы разделение труда и специализация функций. В обществах высокоразвитых уровень координации, необходимой для всемерного использования возможностей, предлагаемых современной наукой и техникой, неизмеримо выше. Буквально миллионы людей заняты тем, что доставляют друг другу хлеб насущный, не говоря уже об автомобилях. Поборник свободы стоит перед нелегкой задачей: как совместить эту всеобщую взаимозависимость с индивидуальной свободой.

В принципе существует лишь два способа координации экономической деятельности миллионов. Первый – это централизованное руководство, сопряженное с принуждением; таковы методы армии и современного тоталитарного государства. Второй – добровольное сотрудничество индивидов; таков метод, которым пользуется рынок.

Возможность координации через добровольное сотрудничество основывается на элементарном – хотя и часто оспариваемом – тезисе, что из экономической сделки выгоду извлекают обе стороны, – при том условии, что эта сделка представляет собой добровольный и полностью осознанный акт каждой из сторон.

Торговый обмен может поэтому обеспечить координацию без принуждения. Рабочей моделью общества, организованного при посредстве добровольного взаимобмена, является свободная частнопредпринимательская рыночная экономика, то есть то, что мы назвали основанным на свободной конкуренции капитализмом.

В простейшей форме такое общество состоит из ряда самостоятельных частных хозяйств – из совокупности робинзонов, если угодно. Каждое из этих хозяйств использует свои наличные ресурсы для производства товаров и услуг, которые оно обменивает на товары и услуги, произведенные другими хозяйствами, делая это на взаимоприемлемых для обеих участвующих в сделке сторон условиях. Таким образом оно получает возможность удовлетворить

свои потребности косвенным способом, производя товары и услуги для других, а не непосредственно, то есть производя товары для своего собственного пользования.

Побудительным мотивом для принятия такого опосредованного варианта является, разумеется, увеличение совокупного продукта, вызванное разделением труда и специализацией функций. Поскольку у хозяйства всегда есть альтернативный выход – производить прямо для себя, ему нет нужды вступать в обмен, если оно ничего на нем не выиграет. Поэтому если обе стороны ничего не выиграют от обмена, он не состоится. Так сотрудничество делается возможным без принуждения.

Специализация функций и разделение труда далеко не уйдут, если конечной производственной единицей будет частное хозяйство. В современном обществе мы ушли куда дальше. Мы создали предприятия, которые являются посредниками между индивидами в их роли поставщиков услуг и покупателей товаров. И точно так же специализация функций и разделение труда не зашли бы далеко, если бы мы продолжали полагаться на обмен одного товара на другой. Вследствие этого были придуманы деньги как средство содействия обмену, дающее возможность разделить на две части акты купли и продажи.

Несмотря на важную роль предприятий и денег в нашей экономике и несмотря на поднимаемые ими многочисленные сложные проблемы, главная особенность рыночного метода осуществления координации исчерпывающе проявляется в простой рыночной экономике, в которой нет ни предприятий, ни денег. Как в этой простой модели, так и в сложной рыночной экономике, использующей предприятия и деньги, кооперация является строго индивидуальной и добровольной при том условии, что (а) предприятия частные, так что конечными договаривающимися сторонами являются индивиды, и что (б) индивиды обладают полной свободой вступать или не вступать в каждую конкретную сделку, так что все операции строго добровольны.

Куда легче выдвинуть эти условия в виде общих принципов, нежели оговорить их подробно или сказать конкретно, какие учреждения наиболее способствуют их соблюдению. Именно этим вопросам посвящена значительная часть специальной экономической литературы. Самое главное – это обеспечить правозаконность, дабы не допустить физического принуждения одного индивида другим, и соблюдение добровольно заключенных контрактов, благодаря чему «частный» аспект дела не останется пустым звуком. Помимо этого, наибольшие сложности связаны, по-видимому, с монополиями (которые ущемляют реальную свободу, закрывая для индивида альтернативы какому-то конкретному акту обмена) и с «внешними эффектами» (*neighborhood effects*), т. е. с воздействием на третьих лиц, за которое с них нецелесообразно взыскивать и которое им нецелесообразно компенсировать. Эти проблемы будут разобраны более подробно в следующей главе.

Пока сохраняется реальная свобода обмена, главная особенность рыночной организации экономической деятельности состоит в том, что в большинстве случаев она не позволяет одному лицу вмешиваться в деятельность другого. Потребителя ограждает от принуждения со стороны продавца наличие других продавцов, с которыми он может вступить в сделку. Продавца ограждает от принуждения со стороны потребителя наличие других потребителей, которым он может продать свой товар. Работающий по найму огражден от принуждения со стороны работодателя наличием других работодателей, к которым он может наняться, и так далее. И рынок делает все это беспристрастно и безо всякой центральной власти.

Если уж на то пошло, одним из главных возражений против свободной экономики выдвигают именно тот факт, что она так хорошо выполняет эту задачу. Она дает людям то, чего они хотят, а не то, чего они должны хотеть по разумению какой-то группы. За большинством доводов против свободного рынка лежит неверие в саму свободу.

Существование свободного рынка не снимает, разумеется, необходимости правительства. Напротив, правительство необходимо и как форум для определения «правил игры», и как арбитр, толкующий установленные правила и обеспечивающий их соблюдение. Рынок резко сужает круг вопросов, которые нужно решать политическими средствами, и таким образом сводит к минимуму необходимость прямого правительственного участия в игре. Характерная особенность действия, предпринимаемого через политические каналы, состоит в его тенденции требовать или навязывать значительное единообразие. Рынок, с другой стороны, отличается тем, что допускает большое разнообразие. Говоря языком политики, он представляет собою систему пропорционального представительства. Каждый может, так сказать, проголосовать за цвет своего галстука; ему нет нужды заботиться о том, какие цвета предпочитает большинство, и подчиняться, если он окажется в меньшинстве.

Когда мы утверждаем, что рынок предоставляет экономическую свободу, мы имеем в виду именно эту его особенность. Однако значение ее простирается далеко за пределы чисто экономической сферы. Политическая свобода означает отсутствие принуждения одних людей другими. Основную угрозу свободе представляет сила принуждения, будь она в руках монарха, диктатора, олигархии или сиюминутного большинства. Сохранение свободы требует максимально возможного устранения такой концентрации власти и рассредоточения и распыления той власти, устранить которую не представляется возможным, т.е. взаимозависимости и взаимоограничения законодательной, исполнительной и судебной власти (*checks and balances*). Изымая организацию экономической деятельности из-под контроля политической власти, рынок устраняет этот источник принуждающей власти. Он позволяет экономической мощи сделаться ограничителем политической власти, а не ее укрепителем.

Экономическая власть может быть широко рассредоточена. Нет никакого закона сохранения энергии, понуждаю-

щего новые центры экономической мощи расти за счет уже существующих. Политическую власть, с другой стороны, децентрализовать сложнее. Небольших самостоятельных правительств может существовать множество. Однако куда сложнее иметь целый ряд равносильных центров политической власти внутри одного большого правительства, чем множество центров экономической власти в рамках одной большой экономики. Одна большая экономика может содержать в себе сотни и тысячи миллионеров. Но разве может существовать более чем один действительно выдающийся лидер, более чем один человек, на котором сосредотачиваются энергия и энтузиазм его сограждан? Если центральное правительство увеличивает свою власть, скорее всего это делается за счет местного самоуправления. Такое впечатление, что существует какая-то неизменная общая сумма наличной для распределения политической власти. Поэтому, если соединить экономическую власть с политической, концентрация представляется почти неизбежной. Однако, если экономическая власть находится не в тех же руках, что политическая, она может послужить ограничивающим противовесом политической власти.

Убедительность этого абстрактного довода лучше всего, видимо, продемонстрировать на конкретных примерах. Давайте рассмотрим сначала гипотетический пример, который поможет нам выявить затрагиваемые здесь принципы, а затем – несколько недавних примеров из реальной жизни, иллюстрирующих, как действие рынка способствует сохранению политической свободы.

Одной из характерных особенностей свободного общества является, разумеется, свобода индивида отстаивать и открыто пропагандировать радикальные изменения в общественной структуре – до тех пор, пока его агитация ограничивается убеждением и не выливается в применение насильственных действий и иных видов принуждения. Знаменем существующей в капиталистическом обществе политической свободы служит то, что люди могут открыто призывать к социализму и бороться за него. Точно так же

политическая свобода в социалистическом обществе потребовала бы, чтобы люди были вольны агитировать за введение капитализма. Как можно было бы сохранить и защитить свободу агитации за капитализм в социалистическом обществе?

Чтобы человек мог за что-то агитировать, сперва он должен иметь возможность заработать на жизнь. Уже это становится проблемой в обществе социалистическом, ибо там все рабочие места находятся под прямым контролем социалистической власти. Чтобы социалистическое правительство разрешило состоящим у него на службе лицам пропагандировать политический курс, прямо противоположный его официальной доктрине, потребовался бы акт самоотречения, совершить который совсем непросто (как показал послевоенный опыт США, когда встал вопрос о «благонадежности» правительственных служащих).

Но предположим, что этот акт самоотречения все же совершился. Чтобы пропаганда капитализма имела какой-то смысл, сторонники его должны как-то финансировать свою деятельность: им надо будет устраивать митинги, печатать брошюры, платить за радиопередачи, выпускать газеты и журналы и т.д. Встает вопрос: откуда им взять деньги? При социализме могут быть и наверняка окажутся люди с большим доходом, возможно даже обладающие крупным капиталом в виде государственных облигаций и т.п., однако по необходимости это будут высокопоставленные правительственные чиновники. Можно еще представить, что мелкий чиновник будет открыто пропагандировать капитализм в социалистической стране и тем не менее удержится на работе. Трудно, однако, вообразить, чтобы такую «подрывную» деятельность финансировали при социализме большие начальники.

Получить необходимые средства можно будет единственно путем сбора небольших сумм с большого числа мелких чиновников. Но это не решение. Чтобы воспользоваться этим источником, надо, чтобы очень многие уже были убеждены в вашей правоте, тогда как стоящая перед вами

проблема как раз и заключается в финансировании кампании, направленной на их убеждение. Радикальные кампании в капиталистических странах таким образом никогда не финансировались. Их, как правило, поддерживало несколько богатых людей, которых удалось убедить: Фредерик Вандербильт Фильд, Анита Маккормик Блейн или Корлисс Ламонт, если называть недавно упоминавшиеся имена, или Фридрих Энгельс, если отойти подальше в прошлое. Эту роль имущественного неравенства в сохранении политической свободы (роль мецената) замечают весьма редко.

В обществе капиталистическом надо лишь убедить нескольких богачей, чтобы заручиться средствами на пропаганду какой угодно идеи, пусть даже самой необычной, и таких людей, таких независимых источников поддержки имеется немало. И вообще: не обязательно даже убеждать людей или финансовые учреждения, обладающие соответствующими фондами, в разумности идей, которые вы намереваетесь пропагандировать. Нужно лишь убедить их в том, что ваша пропаганда будет иметь финансовый успех, что соответствующая газета, журнал, книга или новое предприятие окажутся прибыльными. Серьезно относящийся к конкуренции издатель, например, не может себе позволить печатать только то, с чем он лично согласен: он должен исходить из одного лишь критерия, а именно: велика ли возможность того, что рынок окажется достаточно широк, дабы обеспечить удовлетворительную прибыль на вложенный капитал.

Таким образом, рынок разрывает порочный круг и в конечном итоге позволяет финансировать подобные предприятия небольшими суммами, собранными со многих людей, без того, чтобы их сперва убеждать. В социалистическом обществе такой возможности нет: там одно лишь всемогущее государство.

Попробуем напрямь воображение и предположим, что социалистическое правительство осознает эту проблему и состоит из людей, пекущихся о сохранении свободы. Способно ли оно выделить на это средства? Возможно, но неяс-

но как. Оно может учредить административный орган по субсидированию подрывной пропаганды. Но как ему решить, кого именно следует поддерживать? Если оно станет давать всем, кто попросит, оно вскоре окажется без денег, ибо социализм не в состоянии отменить элементарного экономического закона, согласно которому достаточно высокая цена порождает высокое предложение. Сделайте агитацию радикальных воззрений достаточно финансово привлекательной – и от агитаторов отбоя не будет.

Кроме того, свобода пропагандировать непопулярные воззрения вовсе не требует, чтобы такая пропаганда не несла с собой никаких издержек. Напротив, не было бы стабильных обществ, если бы пропаганда радикальных изменений не была сопряжена с какими-то затратами и уж тем более субсидировалась. Вполне нормально, чтобы люди несли жертвы при пропаганде идей, в которые они глубоко верят. Мало того, важно сохранить свободу только для тех, кто готов себе во многом отказывать, ибо иначе свобода вырождается во вседозволенность и безответственность. Что совершенно необходимо, так это чтобы цена, которую платят за пропаганду непопулярных взглядов, была разумной и не закрывала всякой возможности такой пропаганды.

Но это еще не все. В свободном рыночном обществе достаточно иметь средства. Поставщики бумаги столь же готовы продать ее газете «Дейли уоркер», сколь и «Уолл-стрит джорнэл». В социалистическом обществе одних денег будет мало. Гипотетическому стороннику капитализма надо будет уговорить государственную бумажную фабрику продать ему бумагу, государственную типографию – напечатать брошюры, государственное почтовое отделение – разослать их, государственное ведомство – предоставить ему зал для выступления и т.д.

Возможно, существует какой-то способ преодоления всех этих трудностей и сохранения свободы в социалистическом обществе. Нельзя утверждать, что это совершенно невозможно. Ясно, однако, что создание институтов, кото-

рые на деле оградят возможность инакомыслия, сопряжено с весьма реальными трудностями. Насколько я знаю, никто из тех, кто выступает за социализм и одновременно за свободу, толком не брался за эту проблему или хотя бы не делал попыток всерьез разрабатывать институты, которые обеспечили бы существование свободы при социализме. Совершенно ясно зато, как способствует свободе рыночное капиталистическое общество.

Разительным примером практического воплощения этих абстрактных принципов служит то, что произошло с Уинстоном Черчиллем. С 1933 г. и до начала Второй мировой войны Черчиллю не разрешали выступить по английскому радио, которое являлось, разумеется, правительственной монополией под административным контролем Британской радиовещательной корпорации. А ведь он был одним из виднейших граждан своей страны, членом парламента, бывшим министром, отчаянно пытавшимся всеми доступными средствами убедить своих соотечественников принять какие-то меры к предотвращению опасности, исходящей от гитлеровской Германии. Ему не разрешали обратиться по радио к английскому народу, поскольку Би-би-си являлась правительственной монополией, а его взгляды представлялись слишком «спорными».

Вот еще убедительный пример, свидетельствующий о том, как «ушел в затемнение» голливудский «черный список». Об этом сообщил 26 января 1959 г. журнал «Тайм», писавший следующее:

«Церемония награждения премиями “Оскар” есть мероприятие, во время которого Голливуд больше всего старается соблюсти декорум. Однако два года назад декорум оказался нарушенным. Когда объявили, что некий Роберт Рич является главным автором сценария кинофильма “Храбрец”, он так и не вышел на сцену. Роберт Рич оказался псевдонимом, за которым скрывался один из примерно 150 сценаристов... внесенных кинопромышленностью в черный список с 1947 г. по подозрению, что они являются членами Компартии или симпатизируют

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru